

О ПОНЯТИИ АПОТРОПЕЯ, ИЛИ ОБЕРЕГА

В. И. Дынин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 декабря 2012 г.

Аннотация: в статье уточняется понятие апотропея (оберега) и определяются границы этого сложного явления религиозной культуры. На основе анализа функционирования апотропея (преимущественно в русской народной традиции) выделяются основные элементы, образующие его структуру.

Ключевые слова: оберег, магия, апотропеическая магия, народная культура, русские.

Abstract: in article the concept of charm (apotropaic charm) is specified and borders of this difficult phenomenon of religious culture are defined. On the basis of the analysis of apotropaic charm's functioning (predominantly in Russian national tradition) the basic elements forming its structure are allocated.

Key words: charm, magic, apotropaic magic, folk culture, Russians.

В «Своде этнографических понятий и терминов» (1993) *апотропей* (*оберег*) определяется как «предмет, знак, действие или состояние, слово, фраза, звук, запах, которые охраняют человека, животных, растения, предметы и постройки от вредоносного действия злых сил (духов, божеств, сглаза, колдовских чар)» [1, с. 135]. В переводе с древнегреческого апотропей (*ἀποτροπή*) буквально означает «отвращающий несчастье (беду)», «отклоняющий зло»; у древних греков *апотропейонами* назывались различные устрашающие изображения (в виде львов, горгон, грифонов, фаллосов и т.п.), которые, по поверьям, отгоняли от людей злых духов, оберегали их дома, посева и животных.

Славяно-русским эквивалентом термина апотропей является оберег – буквально «оберегающий кого (что)-либо [от беды]». Это слово пришло в научный лексикон из севернорусского наречия (оберег, обереж от глагола беречь). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «Оберег, сев. заговоры, зачурания, слова и обряд от порчи, уроки; наговор, нашепты для разрушения или недопущения вредных чар; талисман, ладанка, привеска от сглазу, от огня, воды, змеи, падежа, порчи свадеб, болезней и пр.» [2, с. 579]. В своем более узком значении севернорусская лексема оберег применялась для обозначения малого фольклорного жанра, включающего заговоры, приговоры, заклинания и другие вербальные тексты предохранительного характера. Например, в Череповецком у. Новгородской губ. оберегами называли обходные заговоры у пастухов [3, с. 889].

В научном языке термины «апотропей» и «оберег» обычно употребляются как синонимы. Обращает на себя внимание лишь небольшой смысловой нюанс термина древнегреческого происхождения «апотропей» и славяно-русского «оберег»: апотропей – это

как бы «отвращающий, отгоняющий (что-либо)», тогда как оберег – скорее «оберегающий что-либо (от чего-то другого)». По большому счету, это всего лишь два разных вектора действия апотропея.

Термин «апотропей» sporadически использовался исследователями с начала XX в. Введение в широкий научный обиход этого термина в российской науке связано с именем Е. Г. Кагарова, который выделил в восточнославянском свадебном ритуале группу магических действий, имеющих «агрессивный» характер, призванных отогнать (отпугнуть) от жениха и невесты злых духов (нечистую силу); такого рода акты Е. Г. Кагаров обозначил, как «апотропеические» [4, с. 153].

Апотропей *защищает*. Это его основная функция, его целевая установка, что явствует уже из самой этимологии термина («отвращающий беду», «оберегающий от беды»). Однако далеко не всякая защита может считаться апотропеической. Так, любого рода *протекция*, оказываемая человеку со стороны тех или иных *сверхъестественных существ* (домового, охраняющего дом, лешего, оберегающего пасущийся в лесу скот, св. Георгия, защищающего человека от волков, и т.п.), апотропеем *не является*. По своей форме апотропей представляет собой некий *вполне реальный* объект или явление. Однако надевание теплой (меховой) одежды с целью предохранения от переохлаждения и простудных заболеваний, выстрелы из ружья с целью отпугивания диких зверей, опаживание очага пожара, чтобы не допустить его распространения, и другие *рациональные* средства и приемы защиты также не являются апотропеем.

Апотропей представляет собой *магический способ* защиты, поскольку всегда (или почти всегда) производится (исполняется) человеком. К сожалению, границы так называемой «апотропеической магии», ее назначение и область применения определяются исследователями по-разному. Немецкий исследова-

тель Л. Дейбнер (L. Deubner) в свое время настаивал на необходимости разграничения «апотропеических» обрядов, предохраняющих от нечистой силы в будущем, и обрядов «катартических», очищающих от уже существующей скверны [5, с. 6]. Е. Г. Кагаров к числу «апотропеических» (или «отвращающих») относил только магические действия «более или менее агрессивного характера, направленные против духов или демонов и стремящиеся удалить или напугать последних» [4, с. 152–153, 154–160]. Другими типами защитных магических действий, отличных от апотропеических, Кагаров считал: 1) «обманывающие», или «экзальтационные» акты, «которые сводятся к попыткам ввести в заблуждение, обмануть демонов» (например, ряженье); 2) «скрывающие», или «криптические» действия, стремящиеся не обмануть злых духов, а лишь «оградить жениха и невесту от чар и нечистой силы» (например, покрывание головы невесты платком и т.п.); 3) «избегающие», или «апофевтические», наиболее пассивные средства уклонения от встречи с демонами (воздержание от еды и др.) [4, с. 153, 161–170]. Все эти четыре группы защитных действий Кагаров объединил в одну большую рубрику магических мероприятий, обозначенную им как «предохранительная», или «профилактическая» магия [4, с. 152–153]. Одновременно он выделил рубрику «побудительной», или «протрепической» магии, заключающейся, по его словам, в стремлении приобрести какие-либо положительные ценности (плодородие, богатство, покровительство духов и т.п.). К этой рубрике им были отнесены, в частности, «очистительные», или «катартические» обряды (омовение водой и др.), применявшиеся, когда «нападение злых демонов уже наступило, когда скверна уже вторглась, внедрилась в человека (животное), и ее нужно смыть при помощи различных очистительных средств» [4, с. 188].

С. А. Токарев объединил «апотропеические», «диссимуляционные», «криптические» и «апофевтические» предохранительно-магические действия Е. Г. Кагарова в один тип «апотропеической» («отгоняющей») магии, справедливо полагая, что различие между указанными четырьмя группами обрядов «слишком неощутимо» и все они «достаточно близки к апотропеической магии» [6, с. 23]. Другим типом магии, с точки зрения этого ученого, является магия «катартическая», или «очистительная», которая включает в себя «обряды очищения от предполагаемых злых влияний, проникших в тело человека, в его жилище, и пр.» [6, с. 23]. Разница между «катартической» и «апотропеической» магией, по мнению Токарева, в сущности, аналогична различию между лечебными и профилактическими средствами: если катартическая магия стремится изгнать болезнь, уже проникшую в человека, то апотропеическая – не

допустить ее проникновения [6, с. 52]. Отметив большую близость «апотропеических» и «катартических» обрядов (и те, и другие носят «оборонительный», «защитный» характер, имеют целью «отстранить, отогнать, удалить те или иные вредные влияния, защититься от их воздействия»), Токарев объединил «апотропеический» и «катартический» типы в большую рубрику «оборонительной» («защитной», «профилактической») магии, противостоящей, с его точки зрения, магии «агрессивной» («продуцирующей», «протрепической») [6, с. 21–22, 23].

В классификации Е. Е. Левкиевской «апотропеическая» магия занимает промежуточное положение между магией «продуцирующей» и «реабилитационной», причем идеальное соотношение между этими тремя группами магических действий выглядит, по мнению исследовательницы, следующим образом:

– применение апотропея всегда «предшествует опасному событию», он имеет дело с «онтологической возможностью» опасности (порчи, болезни, нападения волка и т.д.), «апотропеическая ситуация», таким образом, отличается потенциальным характером опасности и направлена на то, чтобы нежелательное опасное событие не произошло;

– реабилитационная магия призвана «исправлять, восстанавливать дестабилизированные участки культурного пространства (чтобы заболевший человек выздоровел, испорченная корова снова стала давать молоко и т.п.); она включает случаи уже реализовавшейся опасности (уже начавшейся болезни, уже наступившего неурожая, уже «испорченной» скотины);

– продуцирующая магия имеет дело с онтологической возможностью «большого урожая», «рождения детей», «приплода скота», но направлена на «производство» («создание») этих жизненных ценностей (чтобы «хлеб родился», «корова давала много молока»), на то, чтобы «желаемая возможность превратилась в реальность» [7, с. 9, 20, 21].

К сожалению, на практике, при попытке отнести тот или иной магический ритуал (обряд) к рубрике «защитной» («апотропеической»), «очистительной» («реабилитационной») или «продуцирующей» («протрепической») магии исследователь сталкивается с серьезными трудностями.

Во-первых, специфический характер отдельных видов источников не дает возможности четко определить, где кончаются профилактические мероприятия и начинаются очистительно-восстановительные, идет ли в каждом конкретном случае речь о магической «профилактике» вредоносного воздействия или же об «очищении» от него. Такова, например, большая группа магических приемов, относящихся к сфере народной медицины («профилактика» болезни – «лечение» болезни). Во-вторых, в магических мероприятиях «продуцирующего» характера присутствует так

или иначе выраженный «апотропеический» подтекст, наиболее заметный в ритуалах, имеющих целью увеличить приплод скота, получить хороший урожай, обеспечить здоровье и под. В подобных ритуалах почти всегда наличествуют элементы магической защиты, гарантирующей необходимые здоровье, плодovitость, неуязвимость для порчи и т.д. В-третьих, апотропеические, реабилитационно-очистительные и продуцирующие магические приемы нередко абсолютно идентичны по своей форме. Так, хорошо известное по этнографическим материалам XIX – начала XX в. вбивание осинового кола в могилу умершего колдуна практиковалось русскими крестьянами как с профилактическими целями («чтобы колдун не смог встать из могилы»), так и с целью прекращения уже начавшихся «хождений» умершего колдуна.

Идентичными оказываются не только внешние формы разных типов магических действий, но и их семантика. Так, семантика *очищения* (в формах окуривания, омовения, выметания) характерна как для апотропеической (профилактической), так и для лечебной (реабилитационной) магии.

Существует также множество «пограничных» случаев, когда опасное событие уже произошло, но его результат еще не наступил и может быть предотвращен (например, предотвращение последствий вредоносного взгляда, брошенного ведьмой на ребенка; отгон уже приблизившейся градовой тучи и т.п.). В таких ситуациях применение апотропея опережает опасное событие на ничтожно малое время или почти совпадает с ним. Поэтому магические приемы, применяемые в подобных случаях, «можно рассматривать как обереги с большей или меньшей долей условности, поскольку такая ситуация не является безусловно апотропеической и подобные случаи лежат на границе апотропеической и реабилитационной магии» [7, с. 21].

Необходимо, однако, заметить, что с точки зрения народной психологии, то или иное вредоносное воздействие обычно представляется как непрерывно длящийся, постепенно разворачивающийся во времени и пространстве процесс, приводящий, в конечном счете, к своей «основной» трагической развязке («дом сгорел», «человек умер», «скотина подохла», «село вымерло» и т.д.). Все промежуточные этапы этого процесса так или иначе расцениваются с позиции необходимости и возможности предотвращения этой главной «конечной» беды. Поэтому цель апотропея, в известном смысле, состоит не только в том, чтобы предотвратить (не допустить) потенциальное вредоносное воздействие (особенно в тех случаях, когда момент перерастания потенциальной угрозы в реальную точно не определяется), но также в том, чтобы полностью прекратить (нейтрализовать) это совершающееся в настоящий момент вредоносное воздействие. Не случайно севернорусский диалектизм «обе-

рег» употребляется в значении не только «недопущения», но и «разрушения вредных чар» [2, с. 579].

Апотропей, таким образом, может применяться на разных этапах вредоносного воздействия, в том числе на этапе уже реализовавшейся опасной ситуации, когда «человек заблудился в лесу», «огненный змей уже прилетает к женщине», «колдун встает из могилы и приходит в дом» и т.д., но обязательно до его окончательного завершения (смерть, гибель, уничтожение). Сюда относится масса частных случаев: чтобы отыскать потерянную дорогу в лесу, чтобы отвадить колдуна приходить в дом, чтобы выгнать Коровью Смерть из селения, чтобы ведьма перестала выдаивать корову, и т.д. Апотропей отвращает не только «потенциальную» угрозу, но и любого рода «актуальную» угрозу на всем протяжении ее существования вплоть до полной нейтрализации. В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что средства, употребляющиеся с предохранительными профилактическими целями, продолжают использоваться в целях нейтрализации угрозы, т.е. они практически не меняются (в крайнем случае – дополняются некоторыми другими средствами). На заключительных этапах этого процесса апотропеические мероприятия почти всегда сливаются с очистительными, перерастают в них. Момент такого перехода, однако, трудноуловим. Исходя из этого, мы можем интерпретировать апотропей как большую группу магических действий, включающую:

1) профилактические (предохранительные) мероприятия против вероятной (потенциальной) угрозы, осуществляющиеся задолго до ее актуализации;

2) профилактические (предохранительные) мероприятия, упреждающие актуальную угрозу, исполняющиеся в самый момент ее возникновения;

3) нейтрализующие (уничтожающие) вредоносное влияние мероприятия, которые совершаются в условиях уже реализовавшейся угрозы и направлены на то, чтобы прекратить губительное воздействие, не дать ему довершиться окончательно; меры такого рода «предохраняют» уже не от самой угрозы как таковой, а скорее от ее неминуемых последствий.

Все эти мероприятия так или иначе истолковываются именно как «защищающие», «отвращающие беду», т.е. имеют вполне определенную апотропеическую «окраску» и семантику.

В русской народной культуре апотропеи, ориентированные на предотвращение потенциальной беды, нередко приурочены к какой-либо календарной дате и имеют форму обряда. Апотропеи превентивного характера, связанные со злободневной угрозой и требующие от человека быстрого принятия необходимых защитных мер, обычно менее ритуализированы.

Поистине безгранично разнообразие *форм апотропея*, в качестве которого могли выступать как при-

родные объекты (камни, вода, солнечный свет, огонь, молния, конкретные виды животных или растений и т.д.), так и предметы (вещи), созданные человеком (орудия труда, оружие, одежда, обувь, домашняя утварь и т.д.). К числу апотропеев относились те или иные звуки, запахи, дым, окуривание и т.п. У многих народов разновидностью оберега было охранительное имя, присваивавшееся ребенку с целью обмануть (отпугнуть) злых духов, похищающих детей (Тигр и т.п.) [1, с. 147]. Апотропеем считались различного рода действия типа крестного знамения, очерчивания круга, сложения пальцев руки в виде кукиша, опахивания и др., а также особые нормы поведения, запреты и предписания, по поверьям, ограждавшие человека от различных вредоносных влияний (не мыть детей, чтобы не подвергнуть их сглазу, и др.). Свои специфические рецепты для защиты от злых сил предлагают мировые религии; в христианстве – это крест, икона, молитва; в исламе – рука Фатимы, тексты Корана и т.д. В русской народной культуре XIX – начала XX в. различные тексты, предметы и действия с христианской символикой, имеющие христианское происхождение (святая вода, нательный крест, крестное знамение, ладанки, иконы, молитвы, святые помощи, церковь, таинство крещения и т.д.) считались *универсальными* апотропеями и применялись в любой опасной ситуации.

Под понятие апотропея, таким образом, попадают весьма *разнородные объекты и явления*. «Слово, заговор, обряд, действие, жест, предмет, музыка – вот далеко не полный перечень текстов, – пишет Е. Е. Левкиевская, – которые могут выступать в качестве апотропеев» [7, с. 6].

Несмотря на свое крайнее разнообразие, *формально* апотропей сводится к нескольким типовым категориям. Так, Н. Ф. Сумцов (1897) подразделял обереги на «вещественные» («предметные»), «символические» и «словесные» (заговоры) [8]. Подобным образом Е. Е. Левкиевская (2002) считает возможным говорить о трех основных формах «апотропеических текстов»: «предметной» (обереги-предметы), «акциональной» (обереги-действия) и «вербальной» (словесные обереги) [7, с. 6].

Были попытки классифицировать апотропеи, исходя не из формальных, а из *функционально-семантических* критериев. Так, Д. К. Зеленин в работе «Магическая функция примитивных орудий» (1931) предложил взять за основу классификации апотропеев ту или иную *функцию* «оберегов-орудий»; в зависимости от своих функций, «простейшие орудия обороны» были подразделены им на несколько категорий («ударные тупые орудия», «колющие острые орудия», «опаляющие и обжигающие орудия», «маскирующие средства обороны» и др.) [9, с. 100–139]. Е. Е. Левкиевской в работе «Славянский оберег:

структура и семантика» (2002) главное внимание было уделено «акциональным» формам апотропея и предложено одиннадцать *семантических моделей* их реализации («окружение», «преграждение», «укрывание», «нанесение удара», «уничтожение», «отгон» и др.) [7, с. 28–195].

Все отмеченные выше и некоторые другие системы классификации апотропеев, к сожалению, представляются слишком односторонними: они не учитывают целый ряд важных особенностей и сущностных характеристик апотропея как такового, как он представляется и функционирует в народной культуре.

Известно, что любая вещь (предмет) в народной культуре служит как утилитарно-практическим, так и ритуально-обрядовым целям. Подобным образом то или иное человеческое действие, даже самое простейшее, может быть расценено символически. В этом смысле об апотропее можно говорить только как об *одной из функций*, которую приобретают в народной культуре в каждой конкретной ситуации те или иные предметы (а также действия самого человека). Функция эта состоит в отвращении вредоносного воздействия со стороны злых сверхъестественных сил (духов, колдунов и т.д.). В иных ситуациях те же самые вещи и действия человека приобретают уже другие ритуально-символические функции (например, используются с целью предсказания будущего, продуцирования хорошего урожая и т.д.).

Отсюда вытекает *полисеманτικότητα* объектов и явлений народной культуры. Например, для такого предмета, как игла, можно предполагать, по крайней мере, четыре возможные семантические единицы, обуславливающие ее использование в народной культуре в качестве апотропеического средства: 1) острый (колющий) предмет; 2) предмет, изготовленный из железа (т.е. материала, который также считается апотропеем); 3) предмет, связанный с женской производственной сферой (шитьем), и через это, шире – с женской половой репродуктивной силой; 4) атрибут культуры, т.е. орудие, созданное человеком.

Подобные примеры можно было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы понять, что один и тот же предмет (понятие, действие) может иметь разную символическую семантику, разную ритуальную функцию и быть связанным с разными сферами (жанрами) духовной культуры и религиозных представлений [10, с. 242].

В отношении апотропея в народной культуре существует вполне определенная *избирательность*. Это проявляется, прежде всего, в том, что далеко не всякий предмет (явление или действие) считается апотропеем. Так, у русских крестьян в XIX – начале XX в. широкое применение в качестве оберегов находили многие предметы инвентаря и домашней ут-

вари (соха, борона, нож, топор, игла, кочерга, веник и др.), тогда как некоторые другие аналогичные предметы (сани, телега, ступа, прялка, мялка и др.) или совсем не применялись как апотропеи, или использовались в этом качестве крайне редко.

В каждой конкретной ситуации выбор апотропея никогда не был произвольным: он учитывал характер угрозы, был привязан к тем или иным сверхъестественным существам. Поэтому для защиты от разных представителей «нечистой силы» зачастую использовались *разные* апотропеи, предписанные традицией, заранее предусмотренные для каждого конкретного случая. Так, проколоть или проткнуть что-то можно, в принципе, с помощью любого острого (колющего) орудия. Несмотря на это, однако, для защиты новобрачных от колдовской порчи и сглаза применялись именно иголки (булавки), а не какие-либо другие острые предметы. Подобным образом, для предотвращения посягательств колдунов в их могилы вбивали осиновые колы, а не дубовые или березовые и т.д.

Таким образом, в народной культуре для защиты от вредоносных сил в одинаковой степени принципиально значимыми, имеющими апотропеическую семантику, признаются:

1) те или иные предметы (объекты) (нож, топор, игла, чертополох и т.д.);

2) те или иные качественные (цвет, материал изготовления и т.п.) и количественные (три иголки и т.д.) характеристики;

3) те или иные совершаемые человеком действия (хождение по кругу, прокалывание и т.д.).

Морфологически (по своей структуре) апотропей включает в себя только эти три основополагающих компонента, три базовых составляющих. Что касается выделяемых особо «вербальных» («словесных») апотропеев, то, с нашей точки зрения, они имеют, в сущности, ту же «предметную» составляющую (в виде определенных слов, фраз, выражений и т.п.) и элемент действия (т.е. произнесение слова, чтение молитвы, проговаривание заговора и т.д.). Хорошо известно также, что многие вербальные апотропеи (в особенности, заговоры) нередко дополнялись различного рода физическими действиями.

Три указанных выше структурных компонента апотропея достаточно редко выступают изолированно друг от друга. На практике, при непосредственном применении они комбинируют, образуют различного рода сочетания. Поэтому «классический» апотропей (и не только в русской народной культуре) представ-

ляет собой не что иное, как *контаминацию*, возникающую на основе интегративного взаимодействия защитных орудий (предметов, средств), качественно-количественных (атрибутивных) характеристик и применяемых человеком приемов (техники). Так, предмет (кол), его качества (осиновый, острый) и производимое человеком действие (вбивание) образуют контаминацию «осиновый кол, вбиваемый (в могилу колдуна)»; эта контаминация и представляет, собственно, апотропей, повсеместно применявшийся русскими крестьянами для обезвреживания «ходячих» покойников. Сюда также относятся окропление святой водой, выжигание креста огнем страстной свечи, вывешивание старого лаптя и многие другие апотропеи, известные в народной культуре.

Подавляющее большинство апотропеев имеет *сложную структуру*, а неоднозначная семантика апотропея, таким образом, обусловлена различными элементами, входящими в его состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Религиозные верования / отв. ред. В. Н. Басилов, И. Винкельман. – М. : Наука, 1993. – (Свод этнографических понятий и терминов. – Вып. 5.)
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : Изд-во М. О. Вольфа, 1881. – Т. 2.
3. *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества / Д. К. Зеленин. – Пг. : Изд. рус. геогр. о-ва, 1915. – Вып. 2.
4. *Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности / Е. Г. Кагаров // Сб. Музея антропологии и этнографии (МАЭ). – Л., 1929. – Т. 8. – С. 152–195.
5. *Deubner L.* Magie und Religion / L. Deubner. – Freiburg ; Berlin, 1922.
6. *Токарев С. А.* Сущность и происхождение магии / С. А. Токарев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959. – С. 7–75. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. – Т. 51.)
7. *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег : семантика и структура / Е. Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 2002.
8. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – Т. 21А.
9. *Зеленин Д. К.* Магическая функция примитивных орудий / Д. К. Зеленин // Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. – М. : Индрик, 1999. – С. 100–139.
10. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995.

Воронежский государственный университет

Дынин В. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: vdynin@mail.ru

Тел.: 8(473) 296-37-74

Voronezh State University

Dynin V. I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of Middle Ages and Foreign Slavic People Department

E-mail: vdynin@mail.ru

Tel.: 8(473) 296-37-74